

Н.П. Грацианский

**Крестьянские и рабочие
движения в средние века**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н.П. Грацианский**
Крестьянские и рабочие движения в средние века / Н.П. Грацианский – М.:
Книга по Требованию, 2017. – 157 с.

ISBN 978-5-458-77996-8

Данные очерки характеризуют ряд социальных движений Западной Европы, протекавших на фоне перерождения экономических отношений в деревне и городе в эпоху позднего средневековья. Жакерия, восстание под предводительством Уота Тайлера, восстание Чомпи во Флоренции.

ISBN 978-5-458-77996-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Жакерия.

Эпоха так называемого „позднего средневековья“, обнимающая собою период времени приблизительно с XII по XV стол., есть эпоха образования новых экономических и социальных порядков на Западе. Развитие менового (денежного) хозяйства, создавшее новые отношения в городах, призвело к коренным изменениям и в деревне. Сельское хозяйство, построенное в эпоху так называемого „раннего средневековья“ главным образом на поместном строе и крепостном крестьянском держании, уже с XII—XIII вв. начало разлагаться, так как оно перестало уже отвечать новым потребностям жизни. Если ранее, в эпоху господства натурального хозяйства и феодальных отношений, при сравнительно малочисленности населения, при громадном количестве пустующих пространств, радикальным средством обеспечить экономическое благосостояние правящих кругов общества являлось прикрепление земледельцев к земле, лишение их свободы передвижения, то теперь, с ростом населения, с заполнением пустующих пространств, система крепостных отношений оказывалась ненужной. Мало того, она даже вредила экономической жизни

Европы, перестраивавшейся на новых началах городского и капиталистического хозяйства. С одной стороны, город нуждался в свободных рабочих руках для обслуживания нужд промышленности и торговли, с другой стороны, скоплавшиеся в городах капиталы требовали рационального применения их и в сельском хозяйстве. Но этому противен был весь уклад натурального хозяйства, построенный на прикреплении трудящихся слоев населения к земле, на рутинном экстенсивном землепользовании и монополиях сравнительно небольшой группы помещиков. Вот почему натуральное хозяйство, а вместе с тем характерная черта его—крепостное право, непременно должны были покачнуться под натиском новых течений. Естественно поэтому, что там, где вновь народившийся класс горожан был господином положения, именно, в северной и средней Италии, освобождение крестьян, выразившееся в переводе их на положение свободных арендаторов, пришло сверху, и не из за каких-либо гуманных соображений, а чисто из за экономического расчета. Точно также и во Фландрии, где развита была городская жизнь, крестьяне уже в XIII—XIV вв. получили свободу. Не так обстояло дело в других странах Запада, где сильны были представители старого строя—феодалы дворяне. Здесь отмена крепостного права и развитие новых видов отношений земледельца к земле совершались медленно и постепенно, причем процесс этот нередко при-

нимал болезненный характер и сопровождался кровавыми крестьянскими восстаниями. Одним из таких эпизодов „борьбы незнатных людей против знатных“ за улучшение своей участи и была французская Жакерия.

Освобождение крестьян, сделавшее во Франции огромные успехи в XII—XIII вв., сводилось здесь к превращению лично зависимых крепостных людей, так называемых сервов, в свободных поселанвилланов, повинности которых были уже не личного, а реального характера, и обуславливались главным образом земельным держанием. И если еще в начале XII в. для французского крестьянства типично было состояние серважа, то уже в начале XIV в. типичным делается состояние свободного вилланства. Освобождение сервов выражалось в уничтожении специфически сервских повинностей— права „мертвой руки“, в силу которого к сеньору переходила собственность крестьянина в случае, если он не оставлял после своей смерти прямых наследников, „формарьяжа“, или брачной повинности, в силу которой сервы платили налоги за разрешение вступать в брак с лицами из чужого поместья, и „произвольной тали“, дававшей право сеньору облагать своих людей какими угодно поборами во всякое время, по своему усмотрению. Отпускные грамоты, единичные и коллективные, вызваны были фискальными интересами сеньоров и давались за плату, иногда очень значительную,

настолько значительную, что сервы, не будучи в состоянии внести ее, нередко отказывались от освобождения. Бывало и так, что крестьяне прямо разбегались с поместий, не желая платить выкупных сумм за дарование им личной свободы. Все же практика освобождений делала быстрые успехи, и не только по инициативе сеньоров, но и по инициативе крестьян, так как выгоды ее для той и другой стороны были очевидны; сеньор получал деньги, которые необходимы были ему в условиях денежного хозяйства, а крестьянин из кабального человека—холопа превращался в лично свободного земледельца. Перечисляя права последнего, одна отпускная грамота XIII в. говорит, что он, будучи свободным человеком, имеет право по усмотрению распоряжаться своим имуществом, делать завещания, заключать браки, принимать духовное звание и самостоятельно выступать на судебных процессах. Правда, если крестьянин освобождался от крепостной зависимости, то земля его от крепостных повинностей не освобождалась, и последние выражались в денежных и натуральных платежах и незначительной барщине. Свободный виллан не был, следовательно, собственником своей земли, а лишь вечно-наследственным ее владельцем, на котором тяготел ряд феодальных повинностей, иногда очень многочисленных, очень мелочных, убыточных и стеснительных для крестьянского хозяйства, бывших вечным источником

враждебного чувства крестьян к их сеньорам. Надо, впрочем, принять во внимание, во 1-х, то, что эти повинности были строго фиксированы, во 2-х, то, что они иногда переводились на денежный чинш, обычно незначительный, хотя коммутация (перевод крестьянских повинностей на деньги) и не играла во Франции такой большой роли в процессе освобождения крестьян, как в Англии.

Сплошь и рядом сеньоры поневоле должны были освобождать своих сервов, вынуждаемые к этому чрезвычайной подвижностью населения и постоянной угрозой бегства крестьян с их участков. Широкий процесс колонизации проходил в XII—XIII вв. не только в Германии, но и во Франции, выражаясь главным образом в заселении тех обширных лесных пространств, которые в XI в. покрывали большую часть территории Франции. Колонисты оседали здесь на льготных условиях, как свободные поселенцы, с точно определенными повинностями в пользу сеньоров. Среди дремучих лесов выростали таким путем не только деревни, но и целые города—так называемые „новые города“, и эти новые центры не могли не притягивать к себе все новых и новых насельников, состав которых пополнялся, главным образом, беглыми сервами. Сервы бежали и в города иного типа—коммуны и города буржуазии, которыми покрылась на протяжении XII—XIII вв. Франция. Бежали они и на другие поместья, на территории которых сер-

важ отменялся или смягчался. Вернуть беглого серва было делом нелегким. Требовалось доказать его несвободу на суде свидетельскими показаниями, а это было связано с такими хлопотами, что сеньоры часто предпочитали заключать полюбовные сделки с беглецами и давать им освобождение за денежную плату. Иногда сеньоры заставляли своих крестьян клятвенно обещаться не покидать пределы поместья, но само собой разумеется, что радикальным средством предотвратить это бегство было освобождение, т.-е. дарование крестьянам тех же льготных условий, которые они могли найти в местах своих новых поселений.

Не везде освобождение крестьян сделало в эпоху позднего средневековья одинаковые успехи. Если в одних областях Франции (напр., Нормандии, Провансе и Руссильоне) серваж исчез совершенно уже в XIII—XIV вв., то в других областях (главным образом в центре и на востоке Франции) остатки его существовали до самой революции. Во всяком случае улучшение в быте крестьян к началу XIV ст. было несомненно, и население достигло тогда приблизительно той же цифры, какой оно равнялось в начале XVIII в. В частности, сравнительно мирная обстановка XIII и первой трети XIV вв., при отсутствии больших войн на территории Франции, как нельзя более способствовала поднятию благосостояния широких слоев населения, которое поминало впоследствии век Филиппа

Красивого, как своего рода золотой век в жизни нации. Многолюдные села, окруженные прилежно возделываемыми полями и вольными угодьями, на которых паслась масса скота, как нельзя лучше говорили о резком контрасте между объединенною Францией данной эпохи и раздробленной феодальной Францией XI—XII ст.

Столетняя война и сопровождавшие ее внутренние нестроения, а равно стихийные бедствия в виде чумы, неурожаев и голодовок, в корне подорвали благосостояние французской нации вообще, и французского крестьянства в особенности. Наряду с бандами голодных бродяг, крестьянину особенно досаждали отряды наемных солдат—и своих и чужих, безнаказанно грабивших его во время военных действий, еще более грабивших во время перемирий. Распускаемые со службы, за прекращением военных действий, эти обломки бывших армий отнюдь не складывали оружия. Соединяясь в более или менее крупные отряды под начальством вождей (капитанов) из знатных и простолюдинов, они захватывали замки и укрепленные города, господствовали над окрестной территорией, и кормились за счет населения, утесняя его всевозможными способами. Современники оставили нам подробные повествования о разбойничьих подвигах этого международного сброда, для которого ничего не было запретного на чужой территории. Гасконцы, наварцы, испанцы, англичане, бретонцы,

немцы, брабантцы и другие наемники, разоряя жителей, захватывали их в плен, влекли за собою пленников сворами, как собак, истязали их бичами, выбивали им камнями зубы, отрубали руки и ноги, вспарывали животы, в лучшем случае томили в заключении, пока не получали выкупа по своему усмотрению. Они насиловали женщин—простолюдинок, хватали и везли с собою или содержали в своих крепостях знатных дам и девиц, отбирали у родителей детей, чтобы сделать их своими пажами и воспитать для разбойничьей жизни. Бриганды (таково было название наемников) не церемонились ни с кем, даже с духовенством, не говоря уже о крестьянстве: они грабили церкви и монастыри, хватали епископов и священников, пили из церковных сосудов, заставляли дрожать самого папу в Авиньоне. Строгая военная организация, подвижность легко вооруженной пехоты и искусная система шпионажа давали возможность бригадам появляться, как снег на голову, там, где их вовсе не ожидали, и собирать таким образом с населения обильную добычу. Нападение врасплох, по свидетельству летописцев, было обычной тактикою этих разбойников. Выследивши какой-нибудь город или замок, „они собирались в количестве двадцати или тридцати человек и шли потайными путями, пока не входили в город или замок, который выследили, прямо среди бела дня, и поджигали какое-либо жилище. Горожане, пола-

гая, что пришла тысяча вооруженных солдат, чтобы предать пламени их город, разбежались, кто куда мог. А эти бриганды разбивали дома, сундуки, ящики, забирали все их содержимое, а потом шли своею дорогою, обремененные награбленным“. Иногда они прибегали к перседеванию, и мы, например, знаем, что один замок в окрестностях Корбейля внезапно был захвачен бригандами, переодетыми свинными торговцами. По свидетельству тех же летописцев, „некоторые из бригандов, особенно капитаны и начальники их, настолько обогащались, что имели по 40 тысяч экю денег“. В этом нет ничего удивительного, так как одна удачная экспедиция могла дать капитану бригандов огромную добычу. Известно, например, что английский капитан—Роберт Маркаунт, подвизавшийся со своею шайкою в Шартрской области, при внезапном нападении на Вандом, взял в плен графиню и ее дочерей и потребовал от графа выкупа в 40 тысяч золотых флоринов. Этот Маркаунт расширил область своей деятельности до окрестностей Манса и произвел открытое нападение на замок епископа. Но жители перехитрили капитана. Предупрежденные заранее о его планах, они вынули болты из под'емного моста, и разбойник, смело вступивший на этот мост, утонул в крепостном рву с частью своих товарищей.

Ни одна профессия не была более выгодна и даже более уважаема в XIV в., нежели профессия